

Станислав Минаков

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в 1959 году в Харькове. Получил высшее техническое образование. Автор книг стихов, прозы, публицистики, энциклопедий и альбомов, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Харькове, Белгороде. Член Национального союза писателей Украины (принят в 1994, исключен по политическим мотивам в 2014), Русского ПЕН-центра (2003), Союза писателей России (2006). Лауреат международных и всероссийских литературных премий. С 2014 года живёт в Белгороде.

Рахманинов

Валентине Чайкиной

«две недели молчит ПВО...»

Максим Бессонов

Замолчали галки и вороны,
онемели прочие грачи.
Противовоздушной обороны
не слышать дней пять. И ты молчи.

Не слышать хлопков и взрывов, воя
душераздирающих сирен.
Есть такое дерево — секвойя.
Есть такая музыка — «Сирень».

Слышно, как ребёнок спящий дышит.
Небо знает, чья и в чём вина.
Говорят, война все вины спишет.
Есть такая музыка — война.

28 марта 2023

80 лет со дня кончины Сергея Рахманинова

**Песенка,
сочинённая ночью
во время бессонницы**

Светлане Кековой

Нé плачь, Светик, нé плачь, Светик,
друг мой, цветик золотой!
Подарю тебе билетик
в город, светом залитой,

где у всех отверсты вежды,
где всё видимо насквозь,
где не надобно надежды —
поелику всё сбылось.

Где избыты все печали,
где окончена война,
где о солнечном причале
ложь разбилась, как волна.

Нé плачь, Светик, нé плачь, Светик,
друг мой, светик золотой!
...Скоро нам держать ответик
пред Рождественской звездой.

7 апреля 2023

Благовещение

Жизнь закончилась, а он ещё жив...
Непостижное продление дня,
напряжение измученных жил,
несвечение бывшего огня.

Сотрясанье изнурённых костей,
угасание натруженных глаз.
Что, не ждал таких весёлых вестей?
Ан настала их пора — вот те раз!

Даже близкое — теперь далеко.
А впотьмах и не найти ничего.
По привычке, тщетный, льёт молоко
он в кувшин, который старше его.

Да, кувшин прекрасен, прочная вещь —
пережил войну и переживёт
наливающего... Вещая печь
суждена тебе иль вечный живот?

6 февраля 2020

св. блж. Ксении Петербургской

Приезжай, закроешь мне глаза
и скрестишь мне руки на груди.
Прозвенела зельная лоза
жизнью, что осталась позади.

Щуцман указывает: «Ком цу мир!», —
но не то чтоб я переживал,
просто здешний саблезубый мир
до конца меня пережевал.

Страшно жить, но сладко — умереть,
спать, не пробуждаясь, до Суда.
Затвори ж повапленную клеть!
Может быть, она не навсегда.

Коль указал Андрюха Дмитриев
на лад созвучий дактилических,
живу, по-прежнему не вытравив
в себе позывов злых мелических,

хожу тропую сей и сицею, —
хоть выпало нам время то ещё, —
с весёлой толстенькой мопсицею,
похожей на Кота Котовича.

На чью ж любовь ещё надеяться?
Покрыта шёрсткой мягкой, палевой,
мне косолапица-младеница
не скажет: «Надоел, проваливай!»

Легчают тяжести житейския;
у ней спасительная функция
Иосифа Аримафейского
иль Спиридона Тримифунтского.

Собака может быть водителем,
почти родителем, радетелем,
душевной кожи заменителем,
твоей судьбы живым свидетелем.

Одна, глазами библейскими
следит за утренней молитвою
и вслед идёт, и видит: бреешься, —
когда по горлу водишь бритвою.

И ведь совсем не в наказание
потычет в ухо мордой искренной,
а в назиданье, в указание, —
кто любит нас любовью истинной.

Новогреческое

«Нам греки не чужие, говорю...»

К. Кавафис

Андрею Дмитриеву

Зябко. И зыбко. З́ачат в ночь декабря-Декарта
Новый отсчёт. И, значит, снова — перо и парта.

Чётки судьбы — навычет: гнись, не смыкая вежды.
Что у нас жизнь позычит, [м]ученики-невежды?

Что нам подарит? Лепу ноту для антифона?
Или вот эту лепту, словно привет с Афона:

Здравствуй! — афинской решкой профиль у корефана.
С гадской ухмылкой грецкой. Фреской ли Феофана —

Лбище? Эй ты, античный! Щурясь, глядит на вещи.
Желчный, но симпатичный. Тощий, почти что вещий.

Рёбрами маремана дышащий, что гитара,
Любящий доberman так же, как Ренуара.

Эллин — не верный фальши, нервный, как Фобос-Деймос,
Ложкою мёда павший в местный дегтярный демос.

Греки, бубню я, греки, — благодаря Андрею
Я возлюбил вас крепче, чем Арафат — евреев.

Грек, он стило имеет! Грек — это тот, который
Русским стихам внимает каждую клеткой, порой,

А на груди худючей крестик несёт нательный,
И салабонов [ж]учит, школьников. Не котельной —

Сторожевою щедрой лирой бряцает вmale.
О Феодоре? Федре? О Феодосье-маме?

Ветка былой Эллады соединяет с Понтом.
Тварен творец рулады, скромн, но все же — с понтом!

Где привелось родиться (не без небесной манны),
Тут тебе и сгодиться — с именем первозванным.

Тут тебе и скитаться, вышедши из-под спуда,
С временем zde квитаться, где — холода, остуда.

Значит, не разлучимся. Ежели — да, то ради
Речи — незлой отчизны, на языке, что даден

Игреку или греку — для утоленья жажды.
...То и реку, что в реку не окунуться дважды.

Четыре

Андрею Полякову

Поклонная грекам ли, таврам, причастная ль высшим лугам,
Одна — равнодушна к литаврам, хвалениям, льнущим к ногам, —

Приходит к кенту, что кентавром снедает словес чуингам —
Чугунным врачующим лавром четырежды дать по мозгам.

Не три, а четыре, четыре удара — большой голове,
Чтоб Торе внимала, Псалтири, Плотину иль прочей плотве,

Летающей в зарослях Леты по времени — впрямь или вспять.
Заметы пииту, заветы, за кои повадно — распять.

Всё это законы полезны — для зычной пиитской души.
И он подзатыльник железный принимает — как пай анаши.

И дышит, и видит, и внемлет — ушибленный Музой, шальной.
И сферную музыку емлет, радея о твари земной.

«И грустную песню заводит, о родине что-то поёт...»
И песня — пиита заводит, куда-то — ужо — заведёт!

Запомни: не три, а четыре! — квадрига, квартет и квадрат.
В заветной завещана лире цифирь неизменная, брат!

Пока не сподоблен в терновник, где мучил дитя иудей, —
Держи Аполлонов половник, хлебай Каллиопин кондей!

Терапевтический оптимум

*А. Полякову,
автору поэтического сборника
«Орфографический минимум»*

Нет, честный Поляков, тебя не перевес(з)ть
через речку Речь, за Даль — для датцев аль поляков.
Ты чудь как будто весь. Но это ли не честь:
сойти — как есть — на нет; утечь, как кот, — наплакав.

Кой тя благословил, мой лучший Поляков,
на трудный подвиг слов — во славу записную?
Восстав, горé влеком, меж гласных дудаков —
согласный апостро́ф — воссядешь одесную.

Сказать ещё? Дружок, уж ты — весьма пингвин!
Заглавное яйцо согрел пузцом заботы.
Что Гудвину — кранты, тем — радостен раввин.
А ты обоих сгрёб в воскресный суп субботы.

Да, добрый Поляков, лень дела — наша мать.
Но ловчему словцу — не положить предела.
Для ча ставриде всей Тавриду понимать?
Жуёт себе своё — куняя то и дело.

(Иосиф Отузский)

Андрею и Ирине

Толкнёшь языком и губами праправдашний некий
овечий и козий словарь — Киммерия, Мирмекий —
и тут же провидишь, как ломаной, рваной равниной
поля Щебетовки¹ под щебет плывут воробьиный.

Кто сторож сему винограднику? Северный Осип.
На склонах у августа здесь — золотисто и ало.
Шуршит и заносит в шалаш виноградаря осень
надорванный край голубой своего покрывала.

Какая печаль: уезжая, становишься дальше,
и — объединительный — труден удел отдаленья.
Не ближе — как думалось, чаялось — всё-таки дальше;
хотя, в самом деле, спасительны эти селенья.

Хотя и для счастья содеяна бухты подкова,
как жизнь одолеешь? Какие приклеишь лекала,
какою слюной? — чтоб, отмерив, отрезать толково.
Ведь смерть и героев похлеще — в своё облекала.

¹ Щебетовка (греческое название — Отузы) — посёлок у горы Карадаг (Киммерия), где во время гражданской войны О. Мандельштам, спасаясь от голода, работал на виноградниках. По преданию, с лишком тысячу лет назад мимо Отуз проходили славянские первоучители Кирилл и Мефодий, возвращавшиеся с проповеди из Хазарского царства.

Про чёрные трещины в пятках, не знавших сандалий,
забудешь, едва обопрёшься рукою о посох.
И сразу — слышной голоса из неузнанных далей;
се братья тебя вспоминают, скиталец-Иосиф.

Есть кровно-виновные братья. Есть братья иные:
азы зачиная, ты с ними упрочивал узы.
Блаженный, к тебе, облачившись в одежды льняные,
Кирилл и Мефодий — сдалече — заходят в Отузы.

1996 г.,
26 сентября 2006 г.

Никто никуда не вернётся.
Никто не придёт ни к кому.
Над чёрной отравой колодца
замри в невозвратном дыму.

Напрасно, недолго, несильно
гримаса скользнёт по лицу
претензией блудного сына
к заблудшему вусмерть отцу.

И коль не успел попрощаться,
над прошлым по кромке скользя,
не смей всё равно возвращаться —
не надо, не надо, нельзя.

Загнутое — не разогнётся.
Морщины загладил пластид.
Никто никуда не вернётся.
Никто ничего не простит.

На 80-летие Танкового сражения под Прохоровкой

Пили мы Победное красное вино
по пути из Прохоровки в Тетеревино.

Было то в июле-то, в самый жар ветров,
в ясный день двенадцатый — праздник, день Петров.

Вспоминали доблестный сорок третий год —
как водил нас Ротмистров в танковый поход.

Пей, дружок, за Родину, за родимый край!
Бей, защитник, гадину, как велел Барклай!

Красная смородина — с кровью на просвет.
Станет перед врагом новый Пересвет.

...С Куликова — к Прохоровке, сквозь Бородино.
Отечество. Отечество. Красное вино.

12—17 июля 2023 г.

Дождь идёт-не-идёт в Монастырском лесу,
сквозь листву не пробиться капли.
Слыша авиарокот — во всю полосу —
мы ныряем в прохладу купели.

Борт уносит в заоблачье новых бойцов,
покидая «груз 200» и «300».
Рёв моторов, угрюм и, как небо, свинцов,
заглушает протест пацифиста.

Как всегда, до победы осталось — чуть-чуть.
И лишь сорок шагов — до криницы,
чтоб по белым холмам вновь отправиться в путь,
вдаль и вдаль от целебной водицы.

23 июля 2023 г.